

Золотое слово

Рамиз Аббаслы

НА НЕОБИТАЕМОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Рамиз Магомед оглы Аббаслы

На необитаемом полуострове

Серия «Золотое слово»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63515107

На необитаемом полуострове:

ISBN 978-5-907395-00-8

Аннотация

По мнению литературных критиков, рассказы Рамиза Аббаслы поистине величественны в своем внимании к деталям, в своей глубине чувств, необычности сюжета; они посвящены в основном родной для автора азербайджанской культуре, но иногда затрагивают особенности иных менталитетов, причем очень корректно и с уважением. Герои этих рассказов – обычные люди. Они влюбляются, ревнуют, иногда попадают в очень трудное положение. Всеми покинутый студент, доведенный до отчаяния рабочий... Они напоминают одинокого, беспомощного Робинзона Крузо, но их одиночество совершенно другого порядка...

Содержание

На необитаемом полуострове	7
Храм на горе Бадри	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

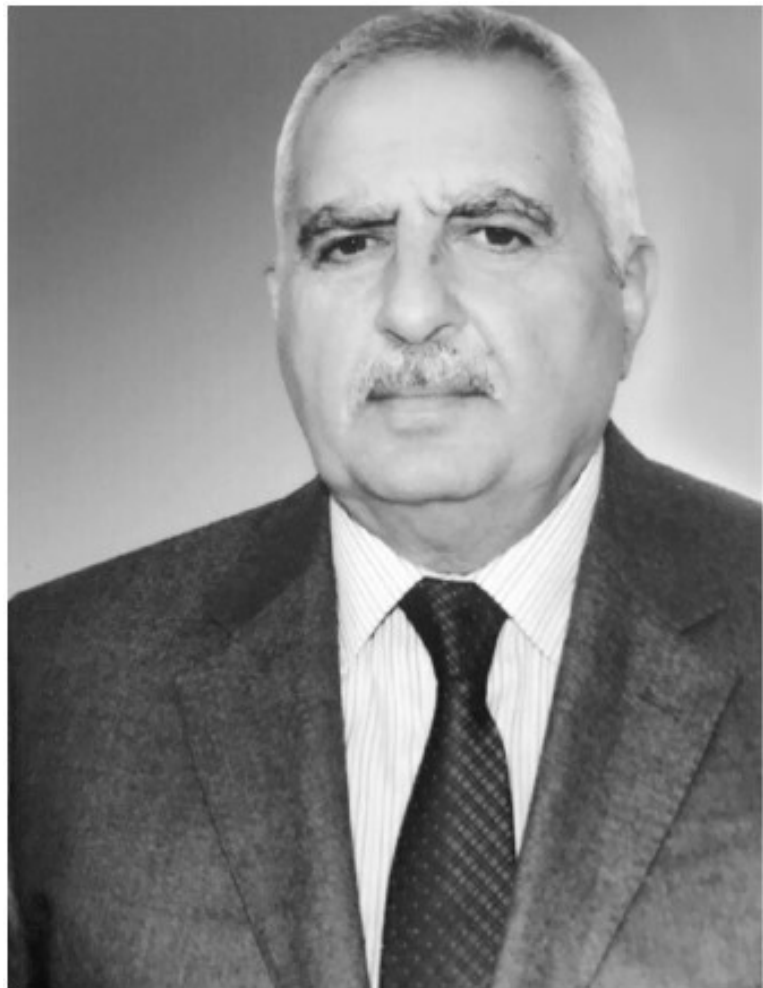
Рамиз Аббаслы

На необитаемом

полуострове

© Рамиз Аббаслы, 2021

© Интернациональный Союз писателей, 2021

Известный азербайджанский писатель, переводчик художественной литературы Рамиз Аббаслы – автор шести книг, множества статей и переводов. Его первая книга «Школа семи деревень» (Баку, 1994) сразу же стала бестселлером, принесла автору известность в литературном мире – за нее он был удостоен награды «Творческий успех». Рассказы, переводы, статьи публиковались во всех газетах и журналах Азербайджана.

Рамиз Аббаслы – двуязычный автор, пишет на азербайджанском и русском языках. Его рассказы и статьи на русском языке публикуются в российских журналах; первая русскоязычная книга («Песня слепого») вышла в Москве в 2019 году, участвовала в Московской международной книжной выставке-ярмарке – 2019 и попала там в список хитов. Автор – финалист Евразийского

Литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФТ»-2019, победитель Международного литературного конкурса памяти М. Ю. Лермонтова – 2019. Русские литераторы высоко ценят творчество Рамиза Аббаслы. Его рассказы посвящены культуре азербайджанского народа, но иногда в них затрагиваются и особенности иных культур, причем очень корректно и с большим уважением. Такой подход вызывает интерес и ответное уважение к культуре самого автора. Произведения Рамиза Аббаслы современны, поистине величественны в своем внимании к деталям, глубине чувств и необычности сюжета – это новая проза, новый взгляд на мир.

На необитаемом полуострове

Мне приходилось иногда слышать, казалось бы, необидные упреки: «Ты способен только сидеть и читать книгу». Так говорили люди, которые меня хорошо знали, и они хотели сказать, что я как молодой человек не способен на реальные дела: где-то работать, решать практические вопросы, делать себе карьеру... Это нехорошая характеристика, в глубине души я даже обижался, но не спорил с ними. Вместе с тем был уверен, что эти люди заблуждаются. Ведь, будучи учеником средней школы, я очень хорошо помогал своим родителям в ведении нашего хозяйства: мы держали скот, у нас имелся еще большой приусадебный участок. А там было очень много работы. Честно говоря, среди своих сверстников я больше всех и лучше всех работал, чтобы семейное хозяйство процветало. С другой стороны, я и учился хорошо. Да, так было. А потом условия изменились: я переехал в город и стал студентом. Учился в самом престижном вузе – в университете. В то время очень трудно было поступить в университет. Я же справился с этой задачей: поступил на дневное отделение, учился и уже перешел на пятый курс. А те люди продолжали говорить: «Ты способен только сидеть и книгу читать». Незнакомые же говорили по-другому.

– Молодой человек, чем вы занимаетесь? – иногда спрашивали меня.

– Я студент, – отвечал им я.

– А где вы учитесь?

– В университете.

– В университете! – говоря так, они с заметным удивлением осматривали меня с ног до головы и, казалось, даже не верили, но все равно хвалили: – Ты молодец.

После завершения учебы я попал в коллектив, где работали и мои сверстники. Но эти молодые люди в основном были без высшего образования. Только одна девушка заочно училась в каком-то техническом вузе. И когда меня представили ей и сказали, что молодой человек, то есть я, после завершения учебы в университете по направлению пришел к ним работать, девушка заметно засмущалась и отпрянула, как будто от чего-то неприятного. Не могу сказать, отчего она так смущалась и почему ей стало неприятно. А точно помню, что при виде этой красавицы я про себя подумал: «Вот обнять бы ее тонкую талию и...» Ничего не поделаешь, она была очень соблазнительна. Может быть, без предварительной подготовки такая лобовая атака – даже мысленно – ей не понравилась бы, и, посчитав это дерзостью, она бы отпрянула. Но это маловероятно, потому что, как потом мне передали, в таких делах она была опытна и, оказывается, несколько лет флиртовала с начальником отдела. Скорее всего, ее отпугнул мой ветхий костюм, и, наверное, по ее мнению, молодому человеку после завершения учебы в университете следовало бы явиться на работу не в таком барахле, а одеться попри-

личнее. В своем поношенном и ветхом костюме я был похож на бедного пенсионера, который годами ходит в одном и том же уныло-сером одеянии, купленном давно – «до нашей эры», то есть когда он еще не был пенсионером, а работал. А если бы в начале четвертого курса я не решил, что обязательно куплю себе костюм, наверно, даже этого не было бы.

На четвертом курсе в начале учебного года я решил, что куплю себе костюм. Поэтому двадцатого сентября, получив стипендию за три месяца – июль, август и сентябрь, – я поехал в центр города и зашел в ЦУМ. Там продавались хорошие импортные костюмы, и в основном все это было производство братских социалистических стран – в то время у нас, в Советском Союзе, так называли ряд восточноевропейских государств: Болгарию, Румынию, Югославию, Венгрию, Чехословакию и т. д. Цены же на эти костюмы начинались с девяноста рублей. А мне надо было решить задачу: на сто пять рублей купить костюм, пятнадцать рублей заплатить за квартиру, а на оставшиеся деньги жить до следующей стипендии. Быстро прикинув, я понял, что в данной ситуации задачу с такими данными решить невозможно. Настроение испортилось. Я вышел из ЦУМа, прошел через парк фонтанов. А там, напротив парка, в ряду красивых двухэтажных домов, ближе к пассаж-базару, на первом этаже, был большой промтоварный магазин. Я зашел туда. Там тоже продавались хорошие импортные костюмы. Они тоже были производства братских социалистических стран. Здесь тоже, как и

в ЦУМе, цены начинались с девяноста рублей. «Вот не везет – и все», – подумал я. Но, несмотря на это, поиски продолжались, я надеялся на счастливый случай: может быть, среди этих костюмов найду тот, который стоил бы дешевле – например, семьдесят рублей.

Я долго возился. Поиски не прекращались. Но, видимо, наблюдая за мной, один из работников магазина – очень аккуратно одетый мужчина лет тридцати пяти – не выдержал и подошел ко мне.

– Гардаш, тебе костюм нужен? – спросил он.

– Да, – сказал я.

– Какой, импортный или местный?

В то время в Баку были и швейные фабрики. Они работали на полную мощность: месячный, квартальный, годовой и пятилетний планы выполнялись на сто три целых и шесть десятых процента. В магазинах было полно бакинских костюмов. Но ни один уважающий себя человек не покупал их, потому что они были некачественны и некрасивы на вид, даже уродливы. Купить местный костюм считалось позором; лучше было бы ходить в старых лохмотьях, чем в новом костюме производства Бакинской швейной фабрики имени Володарского. Естественно, я тоже не хотел опозориться, поэтому сказал:

– Импортный.

– У нас здесь очень хорошие импортные костюмы, – заверил продавец.

– Да, я вижу. Но цены...

– Ты студент?

– Да. Откуда узнали?

– Это видно. Где ты учишься?

– В университете.

– Молодец. А на каком курсе?

– На четвертом.

– Учишься на четвертом курсе университета, а одет-то не по-университетски. Тебе нужен хороший костюм.

– Я тоже так думаю. Поэтому и зашел сюда.

– Скажи честно, вот в данное время сколько ты можешь заплатить за костюм?

– Во всяком случае, девяносто рублей не могу.

– Если не секрет, сколько?

– Не более семидесяти рублей.

Мужчина открыл боковую дверь – видимо, это было подсобное помещение, скорее всего, склад магазина – и мгновенно исчез. А буквально через две минуты он появился с каким-то костюмом в руках.

– Ты возьми это, заходи за эту занавеску и там примеряй. На правой стороне от зеркала есть выключатель для освещения.

Я зашел за занавеску, включил свет. При ярком свете, стоя перед большим зеркалом, я начал проверять этикетку, ткань, подкладку, пошив, цвет... Костюм болгарского производства, серого цвета с синеватым оттенком – это как раз

тот цвет, который я люблю. После предварительной проверки я начал примерять. И пиджак, и брюки были как раз в пору. «Сволочь, все знает, – подумал я. – Даже не спросил, какой размер я ношу, а принес то, что мне нужно».

– Примерил, нормально, – сказал я продавцу, но при этом постарался скрыть свой восторг, с тем чтобы он, узнав об этом, не передумал поднять цену. – Интересно, а сколько стоит он?

– Это такой же костюм, который на витрине стоит сто рублей. Разница в ценах объясняется тем, что в его материале синтетики на пятнадцать процентов больше. Подумаешь, большое дело! Костюм, безусловно, хороший. На складе базы, где мы их берем оптом, один такой стоит шестьдесят рублей. Своим знакомым и хорошим людям я их продаю из-под прилавка за семьдесят рублей. Ты студент, учитывая это, с тебя я возьму шестьдесят пять рублей. Если у тебя денег мало, можешь даже этих пяти рублей не давать...

Я был тронут великодушием совершенно незнакомого человека. Одновременно больно сжималось сердце, потому что некоторые мои знакомые, даже кое-кто из родственников, работали в другой части города в таких же магазинах и часто видели меня. Безусловно, такие же костюмы получали и они. Но они никогда мне ничего подобного не предлагали, даже намека не было.

– Нет-нет, что вы! Так нельзя. Я дам вам шестьдесят пять рублей. Сейчас у меня деньги есть: я получил стипендию. Вы

и так делаете мне большое одолжение. Спасибо, – сказал я.

Кто же был этот человек? Сейчас я очень сожалею, что не спросил его имя. Я увлекся костюмом и забыл спросить. Обязательно надо было узнать и запомнить на всю жизнь.

С этим замечательным продавцом мы расстались как добрые друзья. Он мне сказал, что через два месяца они получат хорошие импортные плащи, а среди них иногда бывают и недорогие – за пятьдесят-шестьдесят рублей, нормальные плащи с теплой подкладкой. «Я тебе дам хороший плащ, – сказал он, – их можно носить даже зимой как пальто». Но, к сожалению, этот добрый человек ошибся: наверное, думал, что каждый месяц у меня в кармане бывает лишних шестьдесят рублей. Я это осознал сразу, но был взволнован, находился в состоянии эйфории и под шумок ему обещал, что через два месяца опять зайду в их магазин и куплю недорогой, но добротный импортный плащ с теплой подкладкой. Это было нереально, поэтому я не смог выполнить свое обещание. А он, наверное, припрятал импортный плащ для незнакомого студента и некоторое время даже ожидал его. Сейчас, думая об этом, я очень сожалею, что имени этого продавца не знаю.

Спустя два года на мне был тот же костюм, который я приобрел благодаря этому доброму человеку. Но за это время он стал поношенным и ветхим, потому что я его часто носил и не очень-то хорошо следил за его состоянием. А вот надо было! И в этом вопросе я обнаружил свою непрактичность. А красавица, у которой была тонкая талия и хорошая

походка, увидев меня в этом костюме, отпрянула. Но в тот же день после обеда я слышал, как она шушукается с парнем, сотрудником нашего отдела.

– Видишь, что делают люди? – вроде за моей спиной сказала девушка, но, как ни странно, я слышал все. – Он твой ровесник, уже успел окончить университет, а ты еще думаешь и до сих пор не решил, куда поступить.

Парень молча сидел. Как потом выяснилось, он кое-как окончил среднюю школу на тройки и ему некогда было думать о высшем образовании. А девушка просто дразнила и хотела расшевелить его. С ее стороны это было неправильно – нельзя же заставить человека прыгнуть выше головы. Напрасно так делала девушка, и это говорило о том, что она непрактичный человек, как и то, что она флиртовала с начальником отдела. Да, понятно, начальник был холост, у него была неплохая должность и деньги. Даже говорили, что он обещает на ней жениться. А что мешало ему взять и сделать это? Время шло. Начальнику уже перевалило за сорок, и он был старше ее на семнадцать лет. Она что должна была делать – подождать еще десять лет, чтобы ее избраннику перевалило за пятьдесят? Нет, она не дождется. Она нарвалась на того, у кого уже была любовница (у начальника действительно была другая любовь, и я, хоть человек непрактичный, сразу же раскусил его). В принципе это нетрудно было, потому что он из этого секрета не делал и при первой встрече со мной прямо сказал, что в жизни для него главное – деньги.

В этом отношении девушка была непрактичной, и мне даже было жаль ее. А она при первой же встрече как отпрянула от меня, так потом и не смогла относиться ко мне как к коллеге по работе, то есть деловито-нейтрально. Порой мне казалось, что она просто ненавидит меня, – беспричинная ненависть. Такова сила первого впечатления.

Я – непрактичный человек, студент пятого курса – сошел с поезда Нахичевань – Баку и покинул территорию вокзала. Был уже конец августа. На привокзальной площади стоял троллейбус номер 1-А, который курсировал между Баиловым и железнодорожным вокзалом. Это как раз то, что мне надо было. Я быстро побежал и сел на него. Водитель как будто меня и ждал – по-другому думать как-то невозможно было. Потому что как только я вошел в почти пустой салон, двери тут же закрылись и троллейбус тронулся с места.

Два месяца меня не было здесь, в Баку. Я был в Нахичевани. Мы, студенты, ездили в Нахичевань на двухмесячные сборы, а в конце сборов сдали экзамены по военному делу и получили звание офицера – еще одна практическая задача была успешно решена. И вроде все было нормально. Но существовало одно «но»: у меня денег не было. Я сидел в троллейбусе и думал: где найти деньги, чтобы дожить до стипендии, которую обычно давали двадцатого сентября? Но на сборах нам сказали, что студентам пятого курса стипендию дадут раньше – скорее всего, десятого сентября.

Сентябрьская стипендия... Тот, кто учился в вузах во вто-

рой половине XX века до распада СССР и учился более-менее успешно, помнит, что в начале третьей декады сентября студентам дневного отделения давали стипендию сразу за три месяца: июль, август и сентябрь. В университете стипендия была тридцать пять рублей, и наша сентябрьская составила сто пять рублей. Для студента, который умел разумно тратить деньги, это была приличная сумма. Но, к сожалению, этот вопрос у меня сильно хромал. Потому что я думал: если в кармане есть деньги, почему их не потратить? Нельзя же все время – даже если есть деньги – экономить. Это было неправильно, поэтому в период учебы временами я сталкивался с очень серьезными денежными проблемами. Даже два раза в разных семестрах сдав экзамены по политэкономии на отлично, я не научился разумно тратить. Я получал стипендию, по возможности сезонно работая то ли сторожем, то ли чернорабочим во вторую смену, зарабатывал небольшие деньги. Но денежная проблема все время преследовала меня и висела над головой как дамоклов меч.

Троллейбус едет медленнее автобуса. Но я не торопился, наоборот, даже был рад, что мой транспорт карабкается как черепаха. На всех поворотах пути, как правило, штанга срывалась с линии электропередачи. Сперва слышался глухой стук на крыше, а потом какой-то другой звук, похожий на тот, который издают ядовитые змеи при приближении к ним человека. Такой же издает и глава гусиной стаи, когда замечает, что, нарушив безопасную дистанцию, к его стае

приближается человек или какое-то другое животное: тыс-с-с! После этих предварительно-предупредительных сигналов троллейбус сразу же вставал как вкопанный на том месте, где оказался в тот момент, когда сорвалась штанга. Водитель, надев рукавицы, быстро выходил из кабины и начинал возиться со штангой: с помощью специальной веревки он тянул ее вниз, наносил удары по ее головке – хотел изменить ее положение так, чтобы она, обхватив линию электропровода снизу, прижалась к ней. Если устранить неполадку такими примитивными способами не удавалось, тогда он вновь возвращался в кабину за инструментами и снова шел на место происшествия... А это означало долгую аварийную остановку...

Если кто-то из пассажиров торопился, для него это был суший ад: от злости он чуть ли не лопался и начинал проклинать троллейбус как особый вид городского транспорта – кто придумал его, кому он нужен; потом обвинял водителя в непрофессионализме – оказывается, он вовсе не водитель, а сапожник, его поймали на улице и посадили в кабину водителя; а в самом конце своей обвинительной речи он обрушивался на себя: оказывается, он сам тоже не умный человек, а дурак, потому что, зная, как работает этот проклятый троллейбус, все равно взял и как будто нарочно, что ли, опять сел в него. А я не торопился, мне надо было как можно дольше задержаться в дороге, подумать и хотя бы мысленно решить вопрос, где можно достать пятнадцать рублей, чтобы дожить

до стипендии.

Об этом я думал не только в троллейбусе, но и задолго до этого, когда мы ехали на поезде, то есть всю ночь думал. Этот вопрос тревожил меня даже до этого. Правда, в канун сдачи экзамена, который мы выдержали в конце сборов, обычное волнение студента почти полностью подавляло эту тревогу. Но, как только экзамен был сдан, она проявила себя с особой силой и снова захватила все мои мысли. Если не найду эти деньги, тогда или умру с голоду, или серьезно заболею, не успев закончить свою учебу. Но сколько бы ни размышлял, все равно выхода так и не находил. Предполагалось, что единственно верный выход из этого положения – взять в долг у хозяина квартиры. Но даст ли он? Гарантии не было. Ситуация осложнялась еще и тем, что я ему должен был пятнадцать рублей квартплаты за август.

В конце июня, заплатив сразу за два месяца – июнь и июль, – хозяину я сказал, что еду в Нахичевань на двухмесячные сборы, но квартиру не сдаю, оставляю за собой; что касается квартплаты, за июль я уже заплатил, а в конце августа приеду и сразу же заплачу за этот месяц. Он вроде не возражал. Вот и конец августа, я только что вернулся со сборов и, по договоренности, должен был оплатить этот месяц. А получается наоборот: вместо того, чтобы погасить свой долг, я буду просить у него деньги, обещая вернуть все долги – старый и новый, – когда получу стипендию. Поверит ли он в мои слова, пойдет ли на такую сделку? Нет, он не дурак и

денег не даст. Даже выразит неудовольствие, что я задерживаю квартплату. Вот в такой обстановке как можно просить у него деньги в долг?

Вообще-то я не люблю у кого-то просить в долг. Даже в молодости, в особенно трудные студенческие годы я ни у кого деньги не занимал. Но как быть, если они очень нужны? Я сидел в троллейбусе, ломая себе голову, думал, как найти выход из трудного положения. Между тем, аварийно останавливаясь на каждом повороте, транспорт медленно, но все равно карабкался вперед. Вот он уже миновал судоремонтный завод, который раскинулся по левую сторону от меня, на берегу моря. Позади с правой стороны осталась и пожарная часть. А здесь уже поворот налево, и, как правило, штанга срывается. Точно: сразу же послышался глухой стук на крыше троллейбуса, а затем неприятное шипение встревоженной змеи: тыс-с-с! И троллейбус встал на месте, как мгновенно убитый гигант. Но на моем пути это последняя аварийная остановка, потому что, миновав этот поворот, маршрут выходит на прямую дорогу, и до самой конечной никаких поворотов и аварийных остановок не будет. А я сойду через остановку, не доезжая до конечной, возле старого баиловского базара.

Был в Баилово старый базар. Потом как-то неожиданно его закрыли и ликвидировали. А люди не забывали его, даже спустя много лет часто говоря «возле старого базара», «недалеко от старого базара» и т. п., вспоминали его. По-

тому что это был хороший базар: уютный, удобный, и, самое главное, там было изобилие. Базар ликвидировали, а на его месте установили памятник какому-то якобы известному человеку, который до установки никому не был известен. Как ни странно, этот гранитный бюст тоже не помог ему стать известным хотя бы у населения одного поселка, даже на уровне какого-то колхозного базара. Оказывается, у известности тоже иногда бывают свои капризы: когда она упирается и упорно сопротивляется, памятники, титулы, даже правительственные награды никакой роли не играют.

Вот наконец-то доехали. Это была остановка у старого базара. Я сошел, потому что жил в этом районе. Моя квартира, вернее, квартира, которую я снимал, находилась наверху – выражаясь жаргоном местного населения, я жил на горе. Самое дешевое жилье во всем городе можно было найти только здесь. Даже язык не поворачивается называть это квартирами. Моя, например, с трех сторон – восток, запад и север – не имела не только окон, но даже форточки для проветривания. Не вдаваясь в подробности, скажу честно – это был не дом, а антидом. Я точно не могу сказать и не додумался спросить у хозяина: раньше, то есть лет двадцать-тридцать назад, в этой хижине жили люди или же там держали скот? Как-то даже очень странно, у этого человека во дворе было несколько таких хижин, и он их сдавал таким, как я, остро нуждающимся в дешевом жилье.

Там, на горе, магазинов не было, и мы туда поднимались

по лестнице. А вокруг остановки у старого базара магазинов было полно, и это был вроде как торговый центр. Почти все необходимые вещи я покупал в этом «торговом центре». То же самое надо было сделать сейчас, а потом подняться наверх. Там, наверху, в моей бедной студенческой хижине, запасов необходимых продуктов, даже сухого чая и сахара, не было. А у меня в кармане оставался всего один рубль и какие-то копейки. Если бы были деньги, надо было бы потратить минимум три рубля, чтобы по-студенчески бедно, но все равно хотя бы сегодня пообедать – был уже полдень, а я не только не пообедал, даже был без завтрака, – чаю попить, а вечером поужинать. На мой единственный и последний рубчик же можно было купить один серый хлеб и сто пятьдесят грамм дешевой колбасы – так называемой «Отдельной», килограмм которой стоил два рубля двадцать копеек; хотя иногда в продаже была колбаса подешевле, например «Чайная», килограмм которой стоил один рубль семьдесят копеек. А на оставшиеся копейки завтра можно будет купить хлеб, сто грамм сыра, и все...

Недалеко от остановки продавали арбузы и помидоры. Я удивился: оказывается, за время сборов я был изолирован от внешнего мира, даже не знал, что уже арбузы появились и цены на них упали до десяти копеек за килограмм. Узнав это, я сразу же изменил свой план относительно покупок. Лучше я возьму буханку серого хлеба, небольшой арбуз и двести грамм сыра, – обожаю есть арбуз с сыром и хлебом. От

рубля у меня останется двадцать копеек, а на это завтра куплю хлеб, и все... Но прежде чем что-либо купить, я должен был зайти в банк, который находился через дорогу, рядом с баиловской поликлиникой, где бесплатно обслуживали не только местное население, но и квартирантов, в том числе и меня.

В банке у меня счетов и вкладов не было. А туда надо было зайти, чтобы проверить две лотереи, которые были у меня в кармане и которые все лето я таскал с собой. Их тиражи состоялись месяц назад. В то время я был на сборах, а выходить из военного городка, где мы жили, запрещалось, поэтому не было возможности своевременно их проверить. Такая возможность только что появилась, и я уже собирался перейти дорогу и зайти в банк. В тот критический момент у меня была какая-то иллюзорная надежда: может быть, эти билеты что-нибудь выиграли... На лотереях что-нибудь выиграть... Скажу прямо, это было практически невозможно. Я в этом убедился на своем личном опыте.

Каждая союзная республика выпускала свою лотерею. В Азербайджане была своя; тиражи устраивались каждый месяц, один билет стоил тридцать копеек. Каждый месяц я покупал по три – хотел выиграть машину, и обязательно «Волгу», которая стоила сорок одну тысячу рублей. Выиграв ее, я хотел изменить свой статус и стать обеспеченным студентом. А как правило, ничего не выигрывал. Ну что за безобразие, когда же, наконец, выиграю я свою машину? Недол-

го думая, я нашел выход: если возьму больше билетов, тогда непременно выиграю. В очередной раз, потратив половину своей стипендии, я купил шестьдесят билетов и стал с нетерпением ждать день тиражей. Наконец-то, вот и они! Но вот беда: за исключением двух, которые выиграли по рублю каждый, остальные ничего не выиграли. После этого краха я убедился в том, что с помощью лотереи богатым не станешь, даже нельзя стать обеспеченным студентом.

Я уже перестал покупать лотерейные билеты. А спустя некоторое время я увидел, что в газетных киосках и на многолюдных остановках автобусов наряду с местными лотереями продают какие-то другие билеты – это были лотереи ДО-СААФ, их выпускала Москва, и каждый билет стоил пятьдесят копеек. Их тиражи проходили не каждый месяц, а примерно ежеквартально; там машин не было, а были дорогая мебель, ковры, картины, телевизоры... Я решил, что надо попробовать, ведь, выиграв какую-то дорогую вещь, я мог бы значительно улучшить свое материальное положение. Поэтому, заплатив один рубль, я купил два билета. Правда, при первой попытке ничего не получилось, но один из билетов, выиграв один рубль, полностью покрывал все мои расходы, а это в какой-то степени меня даже обнадеживало. При первой же возможности я их покупал, но не более двух, и все. А в последний раз – это было в середине июня – опять купил два билета. Их тиражи состоялись месяц назад. Но я был на сборах, и не было возможности вовремя проверить результаты.

Целый месяц я находился в состоянии неопределенности и точно не знал, выиграл или нет. Именно это и дало пищу моей и так живой фантазии, а там нужда уже подготовила хорошую почву. В течение месяца в моей голове вертелся вопрос: может быть, моя лотерея что-нибудь выиграла? Сперва это была слабая надежда. Но, как ни странно, с каждым днем она укреплялась, приобретала черты реальности и становилась все сильнее; со временем изменилась и ее формулировка – шаткое словосочетание «может быть» отпало, на его месте появилось самоуверенное «наверное»: наверное, моя лотерея что-нибудь выиграла...

Наблюдая свое психологическое состояние, я пришел к выводу, что в условиях полной безнадежности занимаюсь самообманом. «Это, конечно, плохо», – подумал я. Плохо и то, что я начал поддаваться самообману, практически уже в него верил. «Человек сознательно обманывает себя, – подумал я, – и сам начинает верить в свой же обман, чтобы у него была – пусть и не реальная, даже иллюзорная – какая-то маленькая надежда. Абсолютная безнадежность губительна, она разрушает человека преждевременно. Инстинкт самосохранения же борется с этим, и, поступая по-своему, начинает действовать на сознание, заставляет человека заблуждаться, верить в какие-то нереальные, с научной точки зрения совершенно необоснованные идеи, чтобы как-то оберегать его...»

Примерно так оценив ситуацию, я постарался избавиться-

ся от иллюзорной и вместе с тем навязчивой идеи. Надо было освободиться от самообмана и на все смотреть трезво. «Лотерея всего лишь игра, – подумал я. – Безусловно, там есть и вероятность выигрыша – это и есть показатель добро-совестности организаторов. Если организаторы совсем бес-совестны, тогда доля вероятности выигрыша равняется ну-лю». А я считал, что обязательно выиграю. Это испугало ме-ня. Я сделал вывод, что это результат психологического на-пряжения; безнадежность и беспомощность сломали меня, я стал мыслить не как образованный человек – все же я уже был студентом пятого курса университета – то есть не науч-но обоснованно и трезво. Если манипулировать терминологией диалектического материализма, который мы, студенты всех вузов социалистической державы, хорошо изучали – а я каким-то непонятным образом проявил даже особое при-страстие и эту науку освоил лучше всех своих сокурсников и в обоих семестрах по диалектическому, даже по историче-скому материализму экзамены сдавал на отлично, – я стал мыслить как идеалист, по-моему, даже хуже – я стал мыслить как отсталый, безграмотный и суеверный человек. Этот вы-вод испугал меня. Я считал, что в моем сознании идет про-цесс деградации.

Во время учебы минимум два-три раза в году у меня бы-вали серьезные трудности, связанные с деньгами. При этом я старался ни у кого не занимать, а проблему решать, как го-ворится, за счет своих внутренних ресурсов. В запасе у меня

были мои ценные книги. Фундамент моей личной библиотеки, в которой теперь сотни очень хороших книг, заложен давно – в годы студенчества. Произведения классиков мировой литературы, книги разных серий – «Классики и современники», «Мастера современной прозы» и т. п. – я начал собирать еще во время учебы. При переходе из одной квартиры в другую моим основным грузом были книги в картонных ящиках. А когда мне было очень трудно с деньгами, я с горьким сожалением вынужден был взять несколько хороших книг и пойти в книжный магазин «Букинист», который находился возле кинотеатра «Низами». Там же, говоря: «У нас такие книги есть», – часть книг не принимали. А другую часть принимали с большим одолжением и по очень низкой цене, в лучшем случае за полцены. Приходилось соглашаться и на это, чтобы выручить хотя бы три рубля и не умереть с голоду. Но на этот раз три рубля, вырученные в «Букинисте», ничего бы не изменили. Мне нужно было минимум пятнадцать рублей, и то если стипендию дадут десятого сентября. Можно было надеяться и на хозяина квартиры, который мог бы дать в долг. Еще какая-то иллюзорная надежда была и на лотерею, – не знаю почему, но это предположение выглядело более реально. В моей голове засела идея: наверное, моя лотерея что-нибудь выиграла...

Никогда в жизни я не был так одинок и беспомощен и никогда в жизни я так не верил в какую-то призрачную идею. После страшного кораблекрушения Робинзон Крузо попал

на необитаемый остров. А как только пришел в себя, он понял, что на этом острове кроме него никого нет, не на что надеяться и нечего ждать какую-то помощь – это было ужасно; ужас одиночества и беспомощности. Я тоже испытывал ужас одиночества. Но, в отличие от Робинзона Крузо, я попал не на остров, а на полуостров и вокруг меня было очень много людей. А вот надеяться на них или ожидать помощи было бессмысленно. Это тоже ужасно. Вот в такой ситуации каким-то непонятным образом я надеялся, что моя лотерея что-нибудь выиграет. С этой надеждой в душе я перешел дорогу и зашел в банк. А там за окошечком сидел молодой парень примерно моего возраста, но, в отличие от меня, человек очень спокойный и уверенный в себе. Видимо, его жизнь тоже протекала в очень спокойной и безмятежной обстановке. Я поздоровался с ним и спросил, есть ли у него номер газеты «Труд», где публиковались результаты последних тиражей лотереи ДОСААФ.

– Да, есть, – ответил молодой человек.

– У меня два билета, – сказал я. Сразу же вытащил их из кармана и через окошечко передал сотруднику банка. – Проверьте, пожалуйста.

Через окошечко я стал наблюдать, как проверяют мои билеты. Это очень ответственный момент, и надо быть внимательным: могут обмануть, поменяв билет, подсунуть другой... Да, мир полон подлости, и потом трудно будет доказать свою правоту. Не прошло даже одной минуты, как мо-

лодой человек сказал:

– Один лотерейный билет выиграл.

Он произнес это очень спокойно и совершенно без каких-либо эмоций, как будто хотел сказать, что троллейбус только что проехал, а следующий за ним появится через пять минут. Он даже не мог себе представить, какой взрыв провоцировал во мне.

«Выиграл! Да, наконец-то я выиграл! – подумал я. – Как я надеялся и ждал! И вот свершилось! Оказывается, месяца тому назад вопрос уже был решен и я выиграл. Вот почему я так сильно надеялся. Интересно, а что же я выиграл: мебель, ковер, телевизор?..» Я не успел задать этот вопрос сотруднику банка, а он поднял голову и в свойственной ему манере, совершенно спокойно, сказал:

– Один из ваших билетов выиграл радиоприемник. Он стоит недорого, всего пятнадцать рублей. Хотите сразу деньги получить или же сейчас я оформлю, а вы через магазин получите свое радио?

«Ай да! Ни больше и не меньше, именно пятнадцать рублей... А почему так мало? Пусть не мебель, не ковер – радиоприемник. Но там же есть радиоприемники подороже; только рижский ВЭФ стоит сто два рубля...» – с горьким сожалением подумал я. А вслух сказал:

– Мне радиоприемник не нужен. Я хочу получить деньги.

– Хорошо, сейчас я дам вам деньги.

– А вторая лотерея как, она ничего не выиграла? – спро-

сил я.

– Нет, из двух билетов только один выиграл. Можете и сами проверить, – сказав так, сотрудник банка через окошечко передал мне газету и оба билета.

А что было бы, если бы не пятнадцать рублей, а больше, например тридцать, сорок, пятьдесят рублей? Тогда я купил бы полкило говядины, картошку, лук, зелень и бутылку вина. Наверху, в своей бедной квартире, сварил бы бозбаш, хорошенько пообедав – уже полдень, а я был не только без обеда, но даже без завтрака – выпил бы за то, что успешно решил еще один практический вопрос и перешел на пятый курс; я уже студент пятого курса. Это же замечательно, и такие события надо отмечать. Основные трудности учебы остались уже позади. На пятом курсе надо сдать экзамен по специальности, госэкзамен по философии и написать дипломную работу. Все сделаем – будем решать еще один практический вопрос. А сегодня день особый: я успешно сдал экзамен по военному делу и получил звание офицера – вот это надо отметить. Но у меня очень мало денег: в кармане всего шестнадцать рублей. Я не имею права эти деньги бросать на ветер. Поэтому отмечать будем тогда, когда получим стипендию. А вот эта дрянь – вторая лотерея – какая она бестолковая, ничего не выиграла. Если бы она выиграла хотя бы один рубль, тогда на это можно было бы купить бутылку вина. Только одна лотерея выиграла, и ровно столько, сколько мне очень и очень нужно было – всего пятнадцать рублей, и больше ни-

чего. Неужели там – говоря «там», я даже не знал, что имел в виду и где это так называемое «там» находится – учет денег ведется так строго и точно? Интересно... Оказывается, там деньги дают только на самые необходимые нужды, и это тоже не всегда – только в исключительных случаях. На отдых, на развлечения даже копейки не дают. Да, все правильно. А что было бы, если бы моя лотерея ничего не выиграла? Это была бы катастрофа. Тогда из этого банка я вышел бы как дохлая курица. А потом пришлось бы просить деньги в долг у этого старика. Казалось бы, все очень просто: попросить деньги в долг у человека, который тебя хорошо знает и у которого деньги есть. Но это так сложно и так унижительно! Вот представьте:

– Знаете, я уже сдал все экзамены и перешел на пятый курс, – так надо было начать свое выступление, и это всего лишь начало, только первый шаг. Но как противно это и как бессмысленно! Спрашивается, какого черта я должен отчитываться перед ним? Ему самому нужно ли это? Это мое личное дело, и нельзя рассказывать об этом каждому проходивцу. Но все равно, раз начали, надо доводить до конца. – Как вы уже знаете, в течение двух месяцев я был на сборах в Нахичевани. За это время нам стипендию не давали, невозможно было и, сезонно работая, зарабатывать какие-то деньги. Я только что, буквально час тому назад, сошел с поезда Нахичевань – Баку и прямо с вокзала приехал сюда. Все хорошо, я жив и здоров. Только есть одна небольшая пробле-

ма: у меня денег нет... – Да ты подожди! Ты уже все сказал. А теперь посмотри, как нахмурился старик. Он уже знает, что у тебя денег нет, для него это главное. Представь себе: какой-то студент у него живет квартирантом и говорит, что у него денег нет. Старик знает, на что ты намекаешь: квартплата будет не скоро. Если бы была возможность, ты знаешь, что он сказал бы тебе:

– Если у тебя денег нет, какого черта ты занимаешь мою квартиру? Студент ты, ученый, солдат или генерал, стипендию ты получаешь или зарплату – меня это не волнует, дай мои деньги. Все!

– Сейчас я не могу заплатить за август...

– Как это ты не будешь платить за август? Ты же сам сказал, что как только приедешь в Баку, сразу заплатишь. А теперь не хочешь платить? – сказал бы старик.

– «Не будешь платить» или «не хочешь платить» – не об этом речь. Я так не сказал и никогда не скажу. Вот уже два года я живу у вас квартирантом. Слава богу, за это время мы успели как следует узнать друг друга. А тем более вы – выдавший виды, опытный и мудрый человек – в таких вопросах очень хорошо разбираетесь, и уверен, что меня тоже достаточно хорошо знаете. Скажите честно, был ли хоть один случай, когда за квартиру я не платил или же не хотел платить?

– Нет, не было.

– Правильно, не было. В конце каждого месяца я аккуратно плачу за квартиру, и никогда задержки не было. Сейчас

я должен заплатить за август. Это мой долг, и даже в июне я вам сказал, что, как только приеду в Баку, сразу заплачу...

– Я знаю, что ты должен заплатить за август. Но вместо того чтобы взять и заплатить, ты мне рассказываешь о Нахичевани, о поезде и об экзаменах... Об этом расскажешь потом. А сперва будь добр, заплати за квартиру.

– Я не забыл свое обещание и знаю, что должен заплатить...

– Да, ради бога, давай плати. Кто тебе мешает?

– Не волнуйтесь, заплачу. Пожар, что ли? Конечно, я заплачу. Дело не в этом.

– Как это «дело не в этом»? Интересно! А в чем же тогда дело? Весь вопрос как раз в этом. А ты говоришь: дело не в этом. Потому что, оказывается, у тебя денег нет.

– Да, правильно, сейчас у меня денег нет. Но скоро будут.

– Да, будут. То же самое говорится и в поговорке: не умирай ты, мой хороший ослик, скоро будет весна, а кругом будет зелень.

– Какая там зелень и какой ослик? Нет, я так не говорил и никогда не скажу. Вы за кого меня принимаете? Я просто хочу сказать, что на сборах нам сказали, что студентам пятого курса, в том числе и мне, стипендию дадут раньше, точнее, десятого сентября. Так что не волнуйтесь, через десять дней я получу стипендию за три месяца и сразу же из этих ста пяти рублей дам вам сорок пять рублей.

– Сорок пять рублей? А это зачем?

– Как это зачем? Я оплачу август, сентябрь...

– Тогда надо платить не сорок пять, а тридцать. А-а, может быть, ты хочешь заплатить и за октябрь тоже?

– Нет, за октябрь пока не буду. Я заплачу только за август и сентябрь. А сорок пять рублей вам дам, потому что сейчас же я хочу взять у вас еще пятнадцать рублей в долг. А через десять дней верну вместе с двухмесячной квартплатой.

– Я не понял. Ты сейчас должен пятнадцать рублей за август. Но не хочешь платить. Этого мало, ты еще хочешь пятнадцать рублей в долг взять?

– ...

В такой ситуации как можно было просить у старика деньги в долг? Нет, этого нельзя было делать...

Продолжая так думать, я уже перешел дорогу и направился к продовольственному магазину, чтобы купить продукты питания. Но ситуация резко изменилась, я уже, как говорится, человек с деньгами. Поэтому вопрос «что купить?» надо было пересмотреть. Надо было быть еще бережливым и без особой нужды не тратить даже одной копейки. Потому что чудом доставшиеся мне пятнадцать рублей спасли меня. Он, хозяин квартиры, все равно не дал бы денег. А я в сильном разочаровании, нагло всем, больше ни у кого попросив помощи, уморил бы себя голодом.

Годы учебы значительно ослабили мое здоровье, потому что спортом мало занимался, стал даже пить и курить. Повлиял и климат Апшеронского полуострова: я никак не мог

как следует приспособиться к сырой бакинской погоде с ее частыми и порывистыми ветрами. Начиная с октября месяца я простужался, не успев до конца вылечиться, еще раз простужался... И это продолжалось до середины мая. Поэтому с каждым годом положение ухудшалось. На пороге осени голодание более десяти дней если не окончательно, то по крайней мере серьезно подорвало бы мое и так ослабленное здоровье. Но, слава богу, я просто чудом спасся: не унижаясь ни перед кем, получил эти спасительные деньги. Да, я их получил – они у меня в кармане: ни больше ни меньше – ровно пятнадцать рублей. Очень даже интересно! А что это, случайность? Может быть, стечение обстоятельств? А может быть, просто какое-то совпадение? Нет, ни это, ни то и ни другое. Не надо нагружать себя: человеческое сознание не в состоянии объяснить это, дать научное толкование хотя бы уже свершившемуся факту. Это – чудо, проявление божественной воли.

За последние три дня произошли значительные события: я сдал последний экзамен четвертого курса и перешел на пятый. Вдобавок к этому я еще получил звание офицера. И наконец, сбылась моя давняя мечта: мой лотерейный билет выиграл конкретную вещь – ручной радиоприемник. Он стоит недорого – всего пятнадцать рублей. Когда-то я мечтал выиграть машину и улучшить свое материальное положение. Но выиграл всего лишь радиоприемник. Это произошло в тот момент, когда моя жизнь висела на волоске. Радиопри-

емник спас меня. Машина должна была улучшить мое материальное положение: после этого выигрыша я уже не снимал бы самую дешевую квартиру в городе Баку – на окраине поселка Баилово, на горе, а снял бы приличную квартиру в центре города; обедал бы не дома или же в студенческой и рабочей столовых, а в приличных столовых, иногда даже в кафе и ресторане; купил бы себе приличные летние и зимние костюмы, даже хорошие импортные пальто и плащ. Ну и что из этого?

А получилось так, что в самый трудный момент своей жизни я выиграл радиоприемник, который спас меня от физического уничтожения и морального унижения. Поэтому этот выигрыш ценнее машины и даже квартиры. Все это необыкновенно и непостижимо. Я молод, вся жизнь впереди. А то, что очень необходимые деньги достались мне каким-то чудом, уже говорит о том, что я вовсе не один – как многие считали и по сей день считают, а до этого дня мне самому тоже так казалось – и не совсем беспомощен. Сегодня будем отмечать эти замечательные события. Отмечать? Это будет расточительство. Да, в принципе так получается. Но я не намерен идти в кафе или же ресторан. Отмечать будем там, наверху, как здесь говорят, на горе – в моей бедной квартире. Но сперва давайте посмотрим, что можно купить на наши деньги. Сейчас у меня в кармане шестнадцать рублей и какие-то копейки. Возьмем полкило сахара и пачку чая – в утренние часы без чая не могу, голова болит, часто зе-

ваю. Расходы на чай составят девяносто копеек. Куплю еще небольшой арбуз – не более трех килограмм, двести грамм сыра за тридцать копеек, серый хлеб за двадцать копеек – и на все эти продукты потрачу восемьдесят копеек. Но мы должны отмечать великие события! А для этого надо купить водку или вино. Водка стоит дорого, возьмем за девяносто копеек бутылку белого сухого вина «Садыллы». Поскольку я буду пить спиртное, надо будет купить еще и сто пятьдесят грамм колбасы «Отдельной». В итоге получается, что на все эти продукты я потрачу три рубля. Здесь только вино лишнее, а все остальное очень даже необходимое. Потраченные на вино девяносто копеек – это перерасход. Да, согласен, но это я возмещу за счет строгой экономии в последующие дни: например, газет не буду покупать, на транспорт не сяду... Если надо будет ехать даже в центр города – пойду пешком. Нам и так неделю дали на отдых, в это время никуда не поеду. Мои занятия начнутся после седьмого числа, а в университете я пойду пешком. И это не новость, иногда я это практикую: мимо зоопарка через Нагорный парк выхожу на большой проспект и за полчаса добираюсь до университета, – будем строго экономить, чтобы ни перед кем не унижаться.

А сегодня будет пир. В своей бедной квартире я накрою стол. На столе будет хлеб, сыр, колбаса, арбуз и вино – это же великолепно! Для бедного студента даже роскошно. Буду отмечать значительные события моей жизни, самое главное же – свое спасение. В очень сложной ситуации я, как гово-

рится, сухим вышел из воды. Все покинули меня, бросили на произвол судьбы, думая: пусть пропадет. События тоже как будто так и развивались, даже мне самому казалось, что я уже пропал. Но... Я чудом спасся.

Храм на горе Бадри

Как только я открыл дверь и вошел в автобус, Луноход тут же спросил:

– Он дома?

– Да, он дома, – сказал я. – Но, говорит, не могу с вами поехать. Дома есть дела, говорит, как закончу, сразу же приеду. Сказал, что к одиннадцати часам будет в цехе.

– Ты уверен, что он приедет? – спросил Луноход.

Я разговаривал не с каким-то роботом, планетоходом. Луноход – обыкновенный человек, он слесарь нашего цеха. У него есть хорошее имя – родители назвали его в честь знаменитого арабского халифа. Луноход же – его прозвище. Мне кажется, это прозвище ему дали из-за особой манеры ходьбы. Дело в том, что его правая нога косит влево, и когда он ходит, постороннему наблюдателю кажется, что правая нога вот-вот зацепится за левую и он упадет. Но ноги не зацеплялись, и Луноход не падал, а продолжал ходить.

– Он приедет, – уверенно сказал я и обратился к водителю: – Теперь поедем в Новые Ахмедлы.

– А это зачем? – спросил тот.

– Как это зачем? Дежурному по заводу сказали же: после восьмого километра надо ехать в Новые Ахмедлы. Он не сказал тебе?

– Нет, не сказал.

– Наверное, забыл. Но ничего, он не сказал – я скажу: нам надо отвезти этого человека домой, – объяснил я и рукой указал на Лунохода. – Он живет в Новых Ахмедлах. Мы его задержали на работе, а теперь должны отвезти домой.

– Интересно, а почему я должен везти его домой? Какая ему разница, пусть сядет на маршрутный автобус и поедет домой, – сказал водитель.

Это такой человек – всегда находит причину и грызется как собака. Я не знаю, почему дежурный автобус должен водить именно он...

– Если ты не хочешь делать то, что я сказал, тогда я вынужден буду сделать то, что ты прикажешь: сейчас мы оба сойдем с этого автобуса и сядем на маршрутный. А ты поезжай, куда тебе надо.

Это была угроза. Ее последствия будут неблагоприятными для водителя. Он не дурак и понял это сразу. Поэтому, недовольно качая головой, молча завел машину. Луноход же с улыбкой на лице тихо сидел и смотрел на меня; я так понял, что ему понравилась моя решительность.

Выходной день – суббота, люди отдыхали. А мы работали – такова была традиция в нефтяной отрасли. Там работа круглосуточная. Рабочий класс трудился в три смены. Инженеры же, хоть они дневные работники, все равно должны были приспосабливаться. Поэтому считалось, что... вернее, это был неписанный закон: у инженеров ненормированный рабочий день. Мы вынуждены были работать в среднем

по двенадцать часов ежедневно. А платили же нам только за восемь, то есть мы получали только свой оклад. Рабочим же за каждый сверхурочный час платили в двойном размере.

В этот субботний день, придя на работу, мы, инженеры цеха, обнаружили, что положение близко к критическому: в ночной смене несколько насосов вышло из строя. Ночью дежурил Луноход, но работы было много, и он не все успевал. В первую смену пришел другой слесарь, но он тоже один не справится. Ему нужна помощь. Начальник цеха, я – его заместитель, старший механик и механик по насосам обсуждали вопросы: что делать, за кем ехать?

– Дадаш не приедет, у него другая работа, – старший механик стал по одному перечислять слесарей. – Остается Исмаил, а он получил новую квартиру, поэтому его точный адрес пока не знаем.

– Луноход знает его адрес, он у него был. Только он может нам помочь. Но, по-моему, уже поздно, – посмотрев на свои наручные часы, сказал механик по насосам. – Наверное, он ушел домой. Сейчас я позвоню в мастерскую и узнаю, где он.

Выяснилось, что Луноход в цехе. Его предупредили, что он нам нужен. Наконец вызвали дежурный автобус, и я вместе с Луноходом – он был моим гидом – поехал за Исмаилом. Вопрос решили: Исмаил приедет. Но надо было решить еще один: доставить Лунохода домой. Со старшим механиком они договорились, что домой он поедет на дежурном автобусе.

– А он не спросил, как же вы нашли его дом? – хитро улыбаясь, спросил Луноход.

– Нет, – сказал я. – Сначала я разговаривал с какой-то женщиной. Это, наверное, его жена. Когда я постучал в дверь, открыла она. «Извините, Исмаил здесь живет?» – спросил я. «Да. А что?» – удивилась она. «Я с работы. Если можно, позовите его, пожалуйста», – сказал я. А она как-то недовольно нахмурилась и спросила: «А что случилось, зачем он вам нужен?» В общем, она меня допрашивала, как следователь уголовного розыска, а лишь потом вызвала Исмаила.

– Как она выглядит? – спросил Луноход.

– Мощная баба, рядом с ней Исмаил выглядит цыпленком.

Луноход улыбнулся – видимо, мое сравнение ему показалось смешным. Его и так большой рот с обеих сторон раздвинулся и стал еще шире.

– Да, точно. Это его жена.

– Не знаю, может быть, мне так показалось, но, по-моему, она намного моложе Исмаила.

– Ваше зрение не обмануло вас, она действительно моложе. Это его вторая жена. Первая работает у нас на заводе. А ты не знаешь ее?

Мне стало смешно, и я чуть было не сказал: «Слушай, о чем ты говоришь? По-твоему, я обязан знать всех его жен и любовниц, что ли?». Но вслух произнес:

– Нет, не знаю. Ты молодец, всех его жен знаешь. А сколько их у него?

– Исмаил не бабник. Просто так получилось, что он женился два раза. Вы видели его вторую жену, – Луноход, обращаясь ко мне, иногда говорил «вы», иногда – «ты». Правда, он старше меня, но я был его начальником, а он как человек деликатный часто употреблял местоимение «вы». – Она свалилась на его голову как гром среди белого дня и изменила всю его жизнь.

– Что ты говоришь?! – сказал я с искренним удивлением.

– Да.

– Интересно. А я не знал. А может, расскажешь?

Между прочим, Луноход хороший рассказчик. Его интересные истории я слушал, когда еще работал начальником установки. Для ремонта насосов к нам на установку обычно приходил он. Далековато было, а он еще инструменты таскал. И как только заходил в операторскую, сразу же с грохотом бросал на пол свою грязную сумку. Потом как-то устало и недовольно спрашивал:

– Чай есть?

– Чай? Сейчас тебе дадут чай, – отвечал я ему и начинал описывать неполадку, которую он должен был устранить.

Луноход сидел в операторской и курил. Ему уже принесли чай. Теперь надо было пошевелить его:

– Работы много. Не знаю даже, успеешь ли ты до обеда закончить? – говорил я. А это означало: «Луноход, ты давай

побыстрее со своими курением и чаепитием». А Луноходу, как говорится, до лампочки было: не торопился, по мере возможности старался усыпить и мою бдительность:

– Работа не волк, в лес не убежит. Чай горячий, надо подождать, чтобы он остыл. Иначе можно ожог получить. Потом придется составить акт о производственной травме.

Время шло. Я смотрел на стенные часы, потом на грязную сумку, которая валялась в углу, потом на Лунохода и про себя думал: «Работа не убежит, а ты убежишь – это точно. За полчаса до начала обеда, даже раньше, ты все бросаешь и уходишь. И у тебя веские доводы: «В таком виде нельзя ходить в столовую, надо руки мыть. Опаздывать тоже нельзя, потом найдешь остатки и крохи».

Если Луноход быстро заканчивал свою работу и до обеда или до конца рабочего дня оставалось время, он не торопился вернуться в мастерскую из расчета, что там сразу дадут ему другую работу. Поэтому сидел в операторской и курил. А там нельзя курить. И, как ни странно, на установке курилки не было. А где должны курить люди? Этот вопрос я обсуждал с начальником отдела техники безопасности. Он пришел на установку, на месте проверил и сказал: «Это упущение строителей. Люди могут курить в вентиляционной». А в вентиляционной никаких условий нет, заходишь – как будто карцер. Но этот карцер находился рядом с операторской. Рабочие нашли выход: они курили в операторской. Если кто-то им делал замечание, что, ребята, в операторской

нельзя курить, они отвечали: «Какая разница, там или здесь? Если никаких условий нет, как можно там курить? Мы же люди. Если на то пошло, курить в вентиляционной – тоже нарушение». На установке за технику безопасности и пожарную безопасность отвечал я, и, чтобы подстраховать себя в этой тупиковой ситуации, я повесил у входа в вентиляционную табличку с надписью: «Курить можно только здесь».

Луноход хороший оратор. Я даже иногда думал: почему он не передовик производства? Трибуны больших залов плакали по нем. А он не был передовиком. Казалось бы, да, Луноход не очень-то добросовестно относился к работе и считал, что работа не волк и в лес не убежит. Но все равно трудился. А передовики производства часто вовсе не работали. Ведь у них же было очень много мероприятий – собраний, заседаний, пленумов, съездов, слетов, поездок и т. п. – и они вынуждены были в какие-то дни, порой несколько дней подряд, на работу не выходить. А рабочие дни им отмечались. Человек ко всему привыкает и приспосабливается. Со временем это – не работая, получать зарплату, премию, еще какие-то дополнительные льготы и поощрения, одновременно прославиться – стало для них нормой.

По рассказам Лунохода, вторая жена Исмаила несколько лет назад окончила среднюю школу, неплохо училась и хотела поступить в институт. Она дочка приятельницы Исмаила, и все они – Исмаил с его первой и второй женами – из одного и того же села. По договоренности земляков, в период сдачи

вступительных экзаменов эта девушка жила в квартире Исмаила, который к тому моменту был женат уже пятнадцать лет, но детей у него не было. С появлением молодой девушки в их доме стало веселее. Они называли ее студенткой. Девушка же им сказала, что она не студентка, а абитуриентка, если все экзамены сдаст и поступит в институт, только тогда ее можно будет называть студенткой. Муж и жена выслушали это объяснение и сказали, что какая разница, рано или поздно все равно она тоже поступит, и продолжали называть ее студенткой. Присутствие студентки в их доме особенно было на руку жене Исмаила. После работы, придя домой, ей уже не надо было нагружать себя, студентка – шустрая и энергичная девушка – за нее все делала: стирала, убирала, готовила... Фактически она была бесплатной домработницей.

* * *

К концу августа с работы позвонили жене Исмаила. Звонила женщина, бухгалтер завкома, и сказала, что ей достали путевку, которую она давно заказала и о которой часто спрашивала.

Жена Исмаила лечилась. Врачи старались помочь ей, чтобы она стала матерью. Они говорили, что для укрепления организма необходимо посещать курорты и санатории; были названы даже те, которые очень помогли бы ей. Но достать в них путевки было очень трудно. Вот наконец-то и ей добы-

ли такую путевку. Бухгалтер завкома же позвонила, чтобы обрадовать ее. Одновременно ей сказали, что эта редкая путевка, как говорится, «горит»: послезавтра надо быть там.

Тридцатое августа, послеобеденное время. Надо было до конца рабочего дня оформить отпуск, получить отпускные, заплатить за путевку и завтра уехать. Нельзя было медлить. Задача трудная – успеет ли она? Председатель завкома тоже взялся за дело: позвонил руководителям соответствующих структур и сказал, что надо помочь человеку. Дело пошло. В половине пятого жена Исмаила получила отпускные, спустилась на первый этаж, заплатила за путевку и с этой – для нее очень дорогой – бумажкой вернулась в свой цех. В шесть часов она вышла из цеха и отправилась на трамвайную остановку. Все дневные работники завода уже уехали, на остановке было как-то непривычно безлюдно. А вот ее трамвай идет. Она зашла в полупустой вагон и села. Женщина была довольна. Она была благодарна председателю завкома за то, что он почти с боем выбил эту путевку для нее; все же этот Мехти очень благородный человек, он не какой-то чиновник, он как родной брат или отец. Она была благодарна и бухгалтеру завкома: без ее содействия – суть вопроса председателю объяснила она – получить такую путевку невозможно было. Жена Исмаила сама никогда не смогла бы сказать Мехти, зачем эта путевка ей нужна, – стыдно, он же мужчина.

Женщина сидела в трамвае. Ее лицо сияло от радости –

она была счастлива. Все будет хорошо. Да, конечно, все будет хорошо. Надежда – вот что делает человека счастливым. Эта женщина тоже надеялась и была счастлива. Но вдруг она нахмурилась, потому что вспомнила студентку. Ее настроение испортилось. Ей стало очень неприятно, даже отвратительно. Но это не все. Она чувствовала явную, реальную опасность, которая пугала, даже страшила ее.

Нетрудно представить себе: хозяйки нет дома, она придет через месяц. Все это время ее муж будет жить под одной крышей с молодой и соблазнительной самкой. Сработала фантазия: вот ее нет дома, после работы Исмаил пришел домой. Он устал, голодный, ему нужен уход. Студентка приготовила хороший ужин – между прочим, она вкусно готовит – и, уже соблазнительно качая своим пышным задом, ходит туда-сюда, обслуживает хозяина дома. Другое время, другая обстановка – и студентка ведет себя по-другому, она даже выглядит по-другому: нарядилась, надушилась, сладко говорит, многозначительно улыбается и при этом часто смущается, временами даже краснеет от стыда... О Господи, что творится на этом белом свете!

Итак, здоровая самка и молодой мужчина – Исмаилу нет даже полных сорока лет – живут под одной крышей. Никого нет. Вокруг тишина, как на необитаемом острове. Ночь с каждым днем становится длиннее и прохладнее. Один день, второй день... Безусловно, жена Исмаила не читала рассказ Бестужева-Марлинского «Страшное гаданье», где героиня

Полина говорит своему возлюбленному: «Мы далеки от порока, но всегда ли далеки от слабости? Кто пытается часто силы, тот готовит себе падение».

Да, мы не всегда далеки от слабости. Исмаил тоже человек, и он долго не выдержит. Но так получилось, что его жена об этом даже не думала. Только теперь в трамвае как будто даже случайно до нее дошло, и она про себя сказала: «Нет, нельзя проводить такие эксперименты. Вообще-то зачем я пустила в свой дом чужую женщину? Мой дом не гостиница, не караван-сарай. Что нужно от меня? С ее матерью мы были всего лишь соседями, вернее, наши родители были соседями. Она старше меня, мы с ней вместе не учились, подружками тоже не были. Только соседи, и все. Казалось бы, мелочь, но люди и этим пользуются, даже злоупотребляют. Весной, когда я ездила к родителям, она улучила момент и якобы совершенно случайно встретилась со мной и говорит: «Дочка уже оканчивает школу. Она хорошо учится, хочет поступить в институт. Если ты не возражаешь, на время сдачи экзаменов, около десяти дней, она будет жить у вас». Вот тебе и десять дней! Она уже целый месяц живет в моем доме... Ну, давай не будем. Не-ет, так нельзя. Двадцать дней назад она собрала свои вещи и хотела уехать. Ее задержали, даже уговорили мы, в первую очередь, конечно, я. Зачем я это сделала? Какая ошибка! Надо срочно ее исправить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.